

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль)/специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Понятие и признаки соучастия в преступлении по российскому уголовному праву»

Обучающийся

А.О. Коротенко

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

докт. юрид. наук, профессор, В.К. Дуюнов

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Аннотация

Актуальность исследования заключается в том, что правильно выстроенные, опирающиеся на особенности российской действительности, изменения в законодательстве позволят значительным образом усилить возможности государства в борьбе с преступлениями, совершенными в соучастии, будут способствовать достижению целей уголовного наказания и решению задач уголовного законодательства Российской Федерации.

Цель исследования состоит в комплексном изучении понятия и признаков соучастия в преступлении в уголовном праве Российской Федерации.

Задачи исследования могут быть определены следующим образом: раскрыть понятие и правовую природу соучастия в преступлении; рассмотреть виды соучастников преступления; выделить виды и формы соучастия в преступлении; проанализировать объективные и субъективные признаки соучастия в преступлении; выделить новые виды соучастников по функциональному признаку; обозначить проблемы преступлений, совершенных в соучастии по наличию квалифицирующего признака; основание и пределы уголовной ответственности соучастников преступления; представить основные направления совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым в соучастии.

Объектом исследования в данной работе выступают уголовно-правовые отношения, касающиеся соучастия в преступлении.

Предмет исследования - нормы ранее действовавшего и современного российского уголовного законодательства, регламентирующего вопросы соучастия в преступлении, положения доктрины уголовного права о соучастии в преступлении, а также правоприменительная практика судов общей юрисдикции и Верховного Суда РФ по указанной теме исследования.

Структура работы состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Преступления, совершенные в соучастии по уголовному праву РФ... 8	
1.1 Понятие и правовая природа соучастия в преступлении	8
1.2 Виды соучастников преступления.....	11
1.3 Виды и формы соучастия в преступлении	19
Глава 2 Признаки соучастия в преступлении в уголовном праве России	32
2.1 Объективные и субъективные признаки соучастия в преступлении	32
2.2 Выделение новых видов соучастников по функциональному признаку.....	39
Глава 3 Актуальные проблемы теории и правоприменительной практики при квалификации соучастия в уголовном праве.....	50
3.1 Проблемы преступлений, совершенных в соучастии по наличию квалифицирующего признака.....	50
3.2 Основные направления совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым в соучастии	57
Заключение	62
Список используемой литературы и используемых источников	66

Введение

Актуальность выбранной темы обусловлена следующими обстоятельствами.

Традиционным, можно сказать «стандартным», институтом уголовного права является институт соучастия. Появившись много веков назад, история развития данного института не остановилась и сегодня. А научные дискуссии относительно существующих законодательных пробелов и практических проблем продолжают происходить в современный период.

Соучастие – это форма причастности к совершению преступления, при которой лицо непосредственно не участвует в его совершении, но оказывает помощь или поддержку основному исполнителю.

Высоко количество преступлений, совершенных в соучастии, поэтому нормы о соучастии можно считать одними их самых часто применимых на практике. Статистика преступлений, совершенных в соучастии, выглядит следующим образом: в 2010 году - 198,1 тыс., в 2015 году - 145,4 тыс., в 2017 году - 110,6 тыс., в 2018 году - 104,4 тыс., в 2019 году - 98,2 тыс., в 2020 году - 98,8 тыс., в 2021 году - 95,5 тыс., в 2022 году - 92,6 тыс. [34].

Говоря о статистике, следует отметить и высокий уровень латентности выявления соучастников преступлений - нередко те соучастники, которые выполняют роль организатора преступления, остаются не выявленными правоохранительными органами. Поэтому число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за соучастие, значительно ниже реального числа соучастников. Еще один немаловажный момент - многие показатели являются чисто криминологическими. Заголовки о разоблачении банды в большом количественном составе всегда привлекают внимание, однако реальность такова, что есть определенное количество выявленных преступлений, совершенных в соучастии, при этом выявлено не реальное количество совершивших их лиц, а лишь часть.

Следует отметить и такое обстоятельство, что Верховный Суд РФ в своих разъяснениях останавливается на вопросах соучастия лишь применительно к преступлениям той или иной категории, при этом отсутствует единое постановление Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющее положения уголовного закона о соучастии. Кроме того, отдельные постановления, применительно к конкретным видам преступлений, зачастую содержат различные подходы в вопросах соучастия, а также не используют единую терминологию.

Еще один актуальный вопрос связан с ответственностью посредников, которые прямо не названы в главе 7 УК РФ, однако в отдельных статьях Особенности части УК РФ являются субъектами преступлений, роль посредника проявляется в совершении отдельных видов преступлений (например, связанных с незаконным оборотом наркотическим средств).

Также немаловажно то, что в ситуации предупреждения преступных деяний, совершенных в соучастии, существует необходимость признания пробелов в законодательной базе Российской Федерации, что существенно влияет на результативность работы правоохранительных органов.

Правильно выстроенные, опирающиеся на особенности российской действительности, изменения в законодательстве позволят значительным образом усилить возможности государства в борьбе с преступлениями, совершенными в соучастии, будут способствовать достижению целей уголовного наказания и решению задач уголовного законодательства Российской Федерации.

Степень научной разработанности проблемы. В доктрине уголовного права проблемы института соучастия рассматривались в работах многих ученых. Данный институт уже неоднократно становился объектом внимания научных исследований, подготовлен целый ряд диссертационных исследований на эту тему. Среди авторов, которые посвящали свои научные труды различным аспектам соучастия в преступлении, можно назвать следующих: О.В. Белокуров, Д.А. Безбородов, В.Н. Винокуров,

Р.Р. Галиакбаров, Е.В. Епифанова, А.С. Жиряев, Н.Г. Иванов, А.П. Козлов, А.Н. Мондохонов, А.С. Некоз, К.В. Ображиев, С.В. Познышев, А.В. Черных и другие.

Проблемы текущего уголовного законодательства относительно соучастия в преступлениях требуют серьезного внимания и системных изменений. Необходимо разработать четкие определения понятий и видов соучастия, установить градацию ответственности для соучастников и совершенствовать процедуру доказывания факта соучастия. Только таким образом можно достичь более справедливого и эффективного противостояния преступности в сфере соучастия.

Цель исследования состоит в комплексном изучении понятия и признаков соучастия в преступлении в уголовном праве Российской Федерации.

Задачи исследования могут быть определены следующим образом:

- раскрыть понятие и правовую природу соучастия в преступлении;
- рассмотреть виды соучастников преступления;
- выделить виды и формы соучастия в преступлении;
- проанализировать объективные и субъективные признаки соучастия в преступлении;
- выделить новые виды соучастников по функциональному признаку;
- обозначить проблемы преступлений, совершенных в соучастии по наличию квалифицирующего признака;
- основание и пределы уголовной ответственности соучастников преступления;
- представить основные направления совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым в соучастии.

Объектом исследования в данной работе выступают уголовно-правовые отношения, касающиеся соучастия в преступлении.

Предмет исследования - нормы ранее действовавшего и современного российского уголовного законодательства, регламентирующего вопросы соучастия в преступлении, положения доктрины уголовного права о соучастии в преступлении, а также правоприменительная практика судов общей юрисдикции и Верховного Суда РФ по указанной теме исследования.

Методологическая основа исследования представлена следующими методами познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, исторический, сравнительно-правовой.

Теоретическую основу исследования составили учебники по уголовному праву, монографии, научные статьи, диссертации, в которых изучены те или иные аспекты соучастия в преступлении.

Нормативную основу исследования составляют положения Конституции РФ [14], Уголовный кодекс РФ [39] и иные нормативные правовые акты Российской Федерации

Структура работы определена совокупностью поставленных задач и состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Преступления, совершенные в соучастии по уголовному праву РФ

1.1 Понятие и правовая природа соучастия в преступлении

Соучастие в преступлении - одно из наиболее сложных и актуальных понятий современного уголовного права. Оно предполагает участие нескольких лиц в осуществлении преступления, при этом каждый из них имеет свою роль и функцию. Правовая природа соучастия в преступлении является предметом обсуждения среди юристов и специалистов в области уголовного права.

Согласно ст. 32 УК РФ соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления [39].

Понятие соучастия в преступлении имеет множество аспектов, которые требуют детального анализа. Важным элементом является различие между активным и пассивным соучастием, где первое подразумевает непосредственное участие в совершении преступления, а второе - оказание помощи или поощрение его исполнителя.

Само соучастие в преступлении - не новое явление, под разными терминами встречается и в ранней литературе. В отечественной литературе впервые определение соучастия предложил А.С. Жиряев, который назвал соучастием «стечение нескольких преступников при одном и том же преступлении». При этом автором было выделено два признака соучастия: «участие нескольких лиц и их участие в одном преступлении» [9, с. 53].

В дальнейшем Н.С. Таганцев указал на то, что «соучастием является стечение нескольких лиц (преступников) в одном и том же деянии. Сам же термин стечение преступников был введен русскими дореволюционными криминалистами» [35, с. 122].

По мнению Ю.Е. Пудовочкин, «соучастие предполагает не только совместное преступное деяние нескольких лиц, но и связанность действий такого коллектива. При этом такая связь проявляется в объективных признаках, а также в том, что совместные связанные действия соучастников при ведении общей деятельности проходят на уровне причинности совершения преступления и виновности. Кроме того, действия соучастников связаны одновременно и между собой, и с преступным деянием, включая его преступный результат» [28, с. 110].

Свое видение понимания термина «соучастие», а в нем - указание на признаки, предложил и С.В. Познышев, который обозначил в нем признаки соучастия: «Соучастие можно определить, как виновное совершение одного преступления совместной деятельностью нескольких лиц» [27, с. 69].

Правовая природа соучастия заключается в том, что каждый соучастник несет ответственность за свое участие в преступлении. Он может быть признан соучастником только если его действия направлены на помощь или поддержку основному исполнителю и способствуют достижению цели преступления.

Каждый соучастник несет ответственность за все последствия своих действий. Это означает, что он может быть наказан за все ущербы, причиненные в результате преступления. Однако, степень ответственности соучастника может отличаться в зависимости от его роли и участия в совершении преступления.

Соучастие также может быть квалифицировано как особое обстоятельство, которое может повлечь более строгую наказуемость. Например, если соучастник является организатором или руководителем группы лиц, совершающих преступление, его наказание может быть ужесточено.

А.И. Ситниковой институт соучастия в преступлении в ее авторских исследованиях представлен с точки зрения «двухуровневой организации законодательного текста, при этом оба уровня связаны между собой. Первый уровень - конструктивный. Конструктивные элементы соответствующего

текста (их набор, последовательность и функциональная нагрузка) определяют возможности глубинной интерпретации и особенности применения уголовно-правовых предписаний института соучастия. Второй уровень - концептуальный. Концептуальная основа нормативного текста определяет особенности законодательно-текстологического конструирования уголовно-правовых предписаний и института соучастия в целом» [32, с. 90].

«На сложность логической конструкции законодательного закрепления соучастия обращают внимания многие авторы. В связи с этим отмечается особая сложность рассматриваемого института. Так, УК РФ содержит уголовно-правовые предписания, определяющие понятие соучастия, виды соучастников и их ответственность, а также иные специальные вопросы» [43, с. 37].

При этом нельзя сказать, что уголовный закон, регламентирующий институт соучастия, является логически выстроенным и последовательным (например, ст. 35 УК РФ аккумулирует в себе вопросы, не соответствующие заголовку статьи) [39].

Глава о соучастии не содержит положений о добровольном отказе соучастников преступления, содержится лишь норма об эксцессе исполнителя.

Что касается понятий, содержащихся в уголовном законе и относящихся к институту соучастия, то можно сказать, что «законодатель использует следующую терминологию: «соучастие в преступлении», «соучастники преступления», «исполнитель», «организатор», «подстрекатель», «пособник», «группа лиц», «группа лиц по предварительному сговору», «организованная группа», «преступное сообщество (преступная организация)», «эксцесс исполнителя преступления» и другие термины» [41, с. 22].

Говоря о сегодняшнем развитии, необходимо отметить широкое развитие уголовного законодательства, регламентирующего соучастие. УК РФ постоянно дополняется новыми составами, в которых конкретно прописана роль соучастника. Тем самым законодатель отдельно выделяет

ответственность не только за конкретное деяние, но и конкретную в этом деянии роль. С одной стороны, это отвечает началам индивидуализации наказания, с другой стороны, приводит к значительным трудностям. Так, разъяснения высшего судебного органа, который дает некую направленность на правоприменение, появляются не так быстро, как новые составы в УК РФ. С появлением новых норм возникают новые трудности, вопросы, и пока проходит время для их разрешения, совершаются ошибки, цена которых значительно высока.

Таким образом, понятие и правовая природа соучастия в преступлении играют важную роль в уголовном праве. Они определяют ответственность каждого соучастника за свое участие в преступлении и способствуют достижению справедливости при наказании.

1.2 Виды соучастников преступления

Следует сказать о том, что в разных странах классификация соучастников преступления регламентирована по-разному.

Так, в немецком законодательстве и литературе выделяют соисполнительство (два и более равноценных исполнителя) и собственно соучастие (соучастие в деянии, исполненном другим лицом) .

Примечательно, что в странах англо-саксонской правовой семьи виды соучастников не выделяются вовсе. Все участники преступления именуется исполнителями, вне зависимости от их конкретной роли. Безусловно, при назначении наказания судья учитывает вклад конкретного лица в достижение преступного результата [33, с. 20].

В нашей стране нет разграничения между соисполнительством и соучастием, как в немецком праве. Соисполнительство - это одно из проявлений соучастия.

Если выделять конкретные виды соучастников преступления, то следует обратиться к ст. 33 УК РФ, которая в качестве таковых называет исполнителя, организатора, подстрекателя, пособника.

С точки зрения теории, все указанные соучастники выполняют различные роли, определенные функции, имеют различные цели, однако на практике зачастую их функции переплетаются, одно и то же лицо выполняет несколько ролей и возникают другие случаи так называемого смешения в соучастии. Поэтому можно отметить, что изучение видов соучастников и особенностей, характерных черт каждого из видов является важным, однако применять на практике такие знания следует с оговоркой, учитывая конкретный случай. Связано это с тем, что, во-первых, зачастую одно и то же лицо выполняет функции двух и более видов соучастников, во-вторых, в «чистом виде» признаки, присущие конкретному виду соучастника, могут не всегда наличествовать в совокупности, либо быть трансформированы.

Первый вид соучастника в преступлении - исполнитель. Согласно ч. 2 ст. 33 УК РФ, исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК РФ [39].

Традиционно в литературе исполнитель является ядром, тем, чьими руками фактически совершается преступное деяние. Все иные виды соучастников оказывают исполнителю содействие - материальное, интеллектуальное, физическое, организационное. Таким образом, исполнитель - основная сила, все иные участники носят вспомогательный характер. Являясь центральной фигурой, исполнитель может иметь и иные роли, однако очевидно, что без исполнителя нет соучастия, поскольку именно его активными действиями совершается преступление.

На практике и в науке принято выделять три разновидности исполнителей:

- «индивидуально действующий исполнитель, т.е. лицо, которое самостоятельно полностью выполнило объективную сторону того или иного преступления при организации, подстрекательстве или пособничестве третьих лиц;
- соисполнители, т.е. лица, которые совместно полностью или каждый в определенной части выполнили объективную сторону преступления;
- посредственный причинитель, т.е. лицо, которое выполняет объективную сторону состава преступления посредством использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности, а равно посредством использования животных или управляемых им технических приспособлений» [30, с. 21].

Согласно ч. 5 ст. 33 УК РФ, пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы.

Основные признаки действий пособника, рассмотренные в уголовно-правовой доктрине - это советы, указания, предоставление информации, что способствует совершению преступления, а равно - достижению преступного результата.

Относительно перечня действий, характеризующих поведение пособника, в научных кругах имеются споры. Мнения разделились на следующие: перечень действий должен быть закрытым, уголовное право не предполагает аналогии и диспозитивности; перечень должен быть открытым,

невозможно вписать в ч. 5 ст. 33 УК РФ все случаи возможных действий пособника.

Считаем, что закрытый перечень не сможет отразить все случаи возможного поведения пособника и не позволит привлекать к уголовной ответственности за некоторые пособнические действия. В любом случае квалификация действий лица, как пособника, нуждается в точном описании с мотивацией отнесения лица к роли пособника.

Строго закрытый перечень приведет к тому, что уголовный закон не будет успевать за появлением новых способов осуществления посредничества и новых посреднических действий.

Если рассматривать законодательную конструкцию нормы ч. 5 ст. 33 УК РФ, то мы видим закрытый перечень. Однако на практике этот перечень получает расширительное толкование в соответствии с конкретным случаем совершения преступления. Так, пособничеством судебная практика признает следующие действия:

- «доставка исполнителей к месту совершения преступления и увоз их с места совершения преступления на автомобиле;
- освещение места совершения преступления;
- физическое посредничество в совершении преступлений, имеющее форму незаконной сделки (например, в незаконных сбыте или приобретении предметов вооружения, психоактивных веществ);
- доставление (путем обмана, злоупотребления доверием, насилия) потерпевшего к месту совершения преступления;
- остановка автомобиля потерпевшего;
- предоставление исполнителю средства для сокрытия следов преступления;
- перевозка орудий совершения преступления;
- предоставление помещения для совершения преступления;

- наблюдение за окружающей обстановкой во время совершения преступления непосредственными исполнителями с целью предупреждения их об опасности;
- отвлечение внимания потерпевшего и других лиц при совершении преступления соучастниками» [15, с. 79].

Безусловно, в широком смысле содействие присутствует и в действиях посредника, и в действиях пособника. Однако все же считаем, что в действиях пособника присутствует больше «физического», чем «интеллектуального». Необходимо учитывать, что такое разграничение весьма условно.

Что касается непосредственного участия пособника в осуществлении действий, направленных на реализацию объективной стороны преступления, то такое участие отсутствует. Такие действия характерны для посредника.

Если рассматривать форму вины пособника, то можно увидеть, что в литературе нет единства мнений по этому вопросу. Ученые спорят, только ли умышленная форма вины может быть в случае с пособничеством или же возможна неосторожность (Н.Д. Сергеевский, М.Д. Шаргородский, А.П. Козлов и др.).

В ст. 32 УК РФ отражена доминирующая в науке позиция об умышленной форме вины соучастников, что в полной мере относится и к пособнику. Связано это с тем, что нет единства мнений по вопросу волевого элемента умысла. Если действия пособника отвечают признаку совместности, то можно говорить о прямом умысле, что подтверждается судебной практикой. Если говорить о волевом отношении пособника к совместно совершаемому преступлению и его последствиям, то может быть косвенный умысел. Это может быть выражено в безразличном отношении пособника к преступлению и его последствиям, он может явно не желать наступления последствий. Такой вариант присутствует при осуществлении функций пособника за вознаграждение. Считаем, что неосторожность в случае с пособничеством должна исключаться.

Необходимо затронуть вопрос о степени общественной опасности действий пособника. В литературе нередко высказывается мнение о том, что пособник «выступает на вторых ролях», что он лишь советует, а это само по себе опасным не является. Однако это не совсем так. Те советы и та информация, которые выдаются пособником, могут сыграть решающую роль в совершении преступления.

В рамках исследования необходимо провести разграничение ролей пособника и подстрекателя. Так, подстрекатель явно направляет свою деятельность на то, чтобы убедить лицо совершить преступление. Пособник же высказывает советы, но действия его явно не говорят о намерениях подстрекательства.

Еще один вид соучастника преступления - подстрекатель. Его роль представляется наиболее сложной и с юридической, и с психологической точки зрения. Деятельность подстрекателя настолько продуманна и сложна, что зачастую исполнитель преступления не осознает, что совершил преступное деяние по умелому «указанию» подстрекателя. В этом случае можно говорить об односторонней субъективной связи, тогда как в иных случаях соучастие предполагает двустороннюю связь [26, с. 24].

Организатором является лицо, в результате интеллектуальных и мыслительных процессов которого была создана схема, механизм или алгоритм для выполнения другими лицами, вовлеченными в процесс, преступного деяния, результатом которого стало достижение преступного результата. Организатор, как правило, напрямую заинтересован в достижении такого результата и вся координация им действий иных соучастников направлена на это.

В соответствии с ч. 3 ст. 33 УК РФ, организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими.

«Действия организатора рассматриваются альтернативно, и к ним можно отнести подбор соучастников, разработку структуры группы, обеспечение дисциплины, планирование преступления, улаживание внутренних конфликтов. Иными словами, чем больше функций выполняет организатор, тем выше степень его фактического участия и соответственно общественная опасность его действий и наказание» [8, с. 23].

Организатор, кроме того, обеспечивает взаимодействие среди соучастников. Организатору присущи функции дачи указаний относительно действий по исполнению преступных деяний. При этом организатор координирует и при необходимости корректирует действия исполнителя. Таким образом, можно говорить об организационно-распорядительных, управленческих функциях в действиях организатора, присущих ему коммуникативных навыков.

Из вышесказанного следует еще одна особенность действий организатора - их адресность. Указания организатора распространяются, как правило, на исполнителя или нескольких исполнителей.

Безусловно, организатор имеет определенную власть над другими соучастниками. Власть эта может базироваться на началах авторитета, зависимости, страха соучастников и других, но она всегда присутствует во взаимоотношениях «организатор - иной соучастник».

Характеристике действий организатора присуща функциональная двойственность теории и практики. Организация преступления упорядочивает деятельность соучастников, координирует их действия.

Зачастую организатор является инициатором совершения преступления. Но иногда функции инициатора принадлежат подстрекателю. Поэтому можно говорить о некоем смешении функций этих двух видов соучастников. Однако и между ними есть различия. Подстрекатель побуждает у исполнителя желание совершить преступление, делает это наиболее тонко, а организатор

осуществляет руководство сложившимся и устоявшимся желанием исполнителя совершить преступное деяние.

Также следует различать функции организатора и руководителя. Анализируя понятие организатора, можно отметить, что он несет свои функции в процессе организации преступления. Руководителем может быть иное лицо. Однако по смыслу уголовного закона и организаторские и руководящие функции являются преступными и подлежат ответственности со ссылкой на организатора.

Следующий вид соучастника - посредник. В ст. 33 УК РФ такой вид отсутствует, однако назван в иных нормах УК РФ и, по нашему мнению, требуется анализ такого специфического вида соучастника и последующее включение его в перечень видов соучастников.

В литературе фигура посредника получила обширное изучение и повышенное внимание. Связано это, помимо прочего, с тем, что институт посредничества получает развитие в современный период, что говорит об актуальности вопроса. Так, 5 лет назад была введена норма об уголовной ответственности за посредничество при оказании противоправного влияния на результаты спортивных соревнований или зрелищного коммерческого конкурса (ч. 5 ст. 184 УК РФ) и за посредничество в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ) [39].

Безусловно, институт посредничества не новый, упоминания о нем имеются и в исторических источниках права, на что указано в первой главе настоящей работы.

Суть роли посредника сводится к тому, что он является связующим звеном между двумя сторонами так называемой сделки, которая не является соответствующей закону.

Кроме того, посредник способствует достижению договоренностей таких сторон, и впоследствии достижения такого соглашения - совершению такой сделки. И здесь следует отметить сложность юридической квалификации действий посредника, а также сложности в психологическом

анализе поведения посредника, поскольку алгоритм действий посредника всегда различен, не всегда действия носят явно выраженный характер, видимый третьим лицам. Зачастую посредник действует тонко и в связи с этим его деятельность остается за рамками уголовного преследования.

К сложностям квалификации действий посредника добавляется и отсутствие четкого его определения в УК РФ, что опять же объяснимо его различным поведением. В связи с этим возникают научные дискуссии и споры.

1.3 Виды и формы соучастия в преступлении

Рассматривая институт соучастия, необходимо рассмотреть виды и формы соучастия, которые называет уголовный закон и выделяет доктрина уголовного права. К тому же, очевидна необходимость дифференциации границ видов и форм, а также их правильное применение при квалификации и назначении наказания.

Начиная анализ видов и форм соучастия, необходимо определить, прежде всего, что эти понятия означают. По нашему мнению, необходимо формы считать внешним проявлением соучастия (форма говорит о способе объединения соучастников, интенсивности такого объединения, устойчивости во времени и пространстве), а виды - внутренним структурным (вид говорит о действиях соучастников, их функциях и целях, их анализирует) [4, с. 6].

Сначала следует рассмотреть или виды соучастия, или формы соучастия, сделав это последовательно. Высказываются в литературе различные мнения относительно количества соучастников. Предлагается установить минимальное число участников 3 человека, 6 человек и т.д. Эти предложения касаются преступной организации. Авторы обосновывают какое-либо число распределением конкретных ролей, которые обычно присутствуют в таких формированиях.

Так, Р. Галиакбаров предлагает говорить об устойчивости преступного формирования если имели место 3 или более преступления. При этом если 1

участник совершил в составе формирования 3 или более преступления, то его надлежит именовать членом системно устойчивого формирования [6, с. 34].

Насколько целесообразным является такое точное указание в законодательстве на цифровые показатели, спорно. С одной стороны, такая точность позволяет варьировать размер ответственности, а также обеспечить полное и всестороннее равенство всех перед законом. С другой стороны, загоняет в определенные рамки, которые не позволяют наиболее полно оценить каждый конкретный случай. Полагаем, что российское уголовное законодательство на данный момент не готово к указанию столь точных цифровых значений.

Следует оговориться, что многие ученые не разграничивают виды соучастия вовсе, называя только формы, поскольку они имеют высокое практическое значение. В рамках настоящего исследования мы приведем перечень видов соучастия и проанализируем их. Считаем, что выделение видов соучастия также является важным и несет в себе уголовно-правовое и психологическое значение, позволяет наиболее точно определить роли соучастников в каком-либо преступном объединении.

В литературе также содержатся попытки разграничить формы и виды соучастия. Так, С.В. Петров указывает, что «вид соучастия является теоретической категорией, не обладающей самостоятельным существованием, которая может быть классифицирована по двум основаниям», а форма соучастия - это «конкретное соединение отдельных признаков, посредством которых соучастие обретает реальное существование» [26, с. 77].

Уголовно-правовая оценка содеянного соучастником зависит, помимо прочего, от формы соучастия.

Можно в целом согласиться с определением форм соучастия, данным Ю.А. Клименко, в соответствии с которым «формами соучастия признаются предусмотренные Уголовным кодексом типы преступных объединений, характеризующиеся различными правилами квалификации и отличающиеся по таким критериям, как вид входящих соучастников, способ распределения

ролей, наличие устойчивости, внутренняя структура, момент достижения предварительного сговора и цели. Законодательная классификация форм соучастия отражает существующие в объективной реальности различные способы объединения преступников между собой» [12, с. 112].

В доктрине на протяжении времени выделяется множество форм соучастия. Для советского уголовного права характерным было выделение, наряду с другими формами, соисполнительства. Указанную форму в своей классификации называли Ф.М. Абубакиров, Р.Р. Галиакбаров, Л.Д. Гаухман, Л.Д. Ермакова:

- соучастие с распределением ролей («сложное соучастие»);
- соисполнительство (охватывающее группу лиц и группу лиц по предварительному сговору);
- организованная группа;
- преступное сообщество.

Из указанных выше форм считаем возможным оставить все, кроме первой. Все же первая форма определяет внутреннее, структурное, что относится к виду, а не к форме.

Есть различные подходы к выделению форм соучастия и сегодня. Так, В.В. Соболев классифицирует соучастие по характеру общественной опасности, на следующие формы:

- соучастие с распределением ролей;
- соисполнительство в составе группы;
- организованная преступная деятельность [33, с. 41].

Законодательное закрепление современных форм соучастия производится в ст. 35 УК РФ, которая называет следующие формы:

- группа лиц;
- группа лиц по предварительному сговору;
- организованная группа;
- преступное сообщество (преступная организация).

Сегодняшнее понимание форм соучастия является именно таким. Аналогичные формы называет и доктрина.

Из указанных форм последние две предполагают распределение ролей. Первые две различны лишь по признаку предварительной договоренности.

Н.Г. Иванов анализирует правовые позиции Верховного Суда РФ, высказанные его органами относительно уголовно-правовых категорий «соучастие», «группа». Необходимо отметить, что Верховный Суд РФ, говоря о преступлениях, совершенных в соучастии, использует терминологию, не заботясь о логике суждений и законодательном соответствии выносимых решений [11, с. 42].

Согласно ч. 1 ст. 35 УК РФ, преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора [39].

Итак, группа лиц предполагает отсутствие четких договоренностей, совершенных заблаговременно. Отличается линейностью в положении лиц, состоящих в группе в момент совершения деяния, то есть они равны, несут соответствующую равную ответственность. Не предполагается никакой иерархии, структурированности. Помимо этого, отсутствует как таковая совместность в ее широком понимании. Группу лиц характеризует моментность, случайность. Преступление, совершенное группой лиц, отличается от единолично совершенного лишь по количественному критерию. Однако предполагает повышение ответственности.

Группа лиц по предварительному сговору предполагает наличие договоренности, к которой пришли лица, являющиеся субъектами преступления, до его совершения. Однако в этом случае указанные лица также находятся в равном положении и отсутствует какая-либо иерархическая структурированность. Сговор может быть совершен в любой из возможных форм: устная, письменная, конклюдентные действия. И в случае с группой лиц, и в случае с группой лиц по предварительному сговору предполагается одинаковое участие субъектов преступления в его совершении.

Согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ, преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

Организованная группа предполагает, устойчивость. По сути организованная группа - это мини-модель социума, только созданная для определенной цели. В этой модели распределены роли. В такую группу входят, как правило, лица, имеющие потребность совершать преступную деятельность в группе, зачастую не способные на индивидуальные деяния. Кроме того, признаком организованной группы является подготавливаемость лиц к совершению преступлений. Другой признак организованной группы - планирование. Кроме того, существует дисциплина и четкие требования к ней. Иерархия присутствует, организатор является обязательной фигурой в организованной группе (он может быть и создателем, и руководителем такой группы). Из этого вытекает такой признак организованной группы, как управляемость, то есть существует система принятия управленческих решений, подконтрольные участники этим решениям подчиняются, за их неисполнение предусмотрены санкции. Зачастую у участников такой группы есть определенное оснащение для совершения преступлений: оружие, технические средства, орудия [13, с. 132].

На основе ч. 3 ст. 35 УК РФ можно выделить следующие признаки организованной группы: ее устойчивость, объединение участников. В соотношении с предыдущими двумя формами соучастия, организованная группа отличается длительностью существования и действия. Она, как правило, не создается для совершения одного-двух преступлений. Все указанные выше признаки, как правило, охватываются умыслом каждого из соучастников, на что обращает внимание судебная практика. Так, суд пришел к выводу о наличии корыстного умысла.

Согласно ч. 4 ст. 35 УК РФ, преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено

структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Преступное сообщество (преступная организация) представляет собой наиболее совершенную организационно, структурно определенную форму соучастия.

Структурированность - понятие оценочное, предполагающее наличие внутренней структуры, а в ней - четкое выделение и разграничение отдельных элементов, структурную организованность. Такого признака закон не называет в организованной группе, это признак преступной организации.

Здесь предполагается тщательная подготовка к совершению преступных деяний, возможно даже обучение. Отмечается такая особенность преступного сообщества, как жесткий набор в его членство и одновременно с этим полный запрет на выход из такого сообщества, поскольку это несет для сообщества определенные риски, связанные с разглашением информации о сообществе, совершаемых им преступлениях. Присутствует постоянство и систематика совершения преступлений. Есть четко выстроенная иерархия, предполагающая сильное руководство таким сообществом и множество лиц, роли которых точно распределены. Оснащение такого сообщества также доведено практически до совершенства [5, с. 110].

Необходимо отметить, что последняя из форм - преступное сообщество (преступная организация) - впервые появилась только в УК РФ 1996 года. На рассматриваемую форму направлена санкция статьи 210 УК РФ - само по себе создание преступного сообщества преследуется уголовным законом.

На основании положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)», можно выделить несколько признаков преступного сообщества:

сложная внутренняя структура (сложнее, чем в случае с организованной группой), наличие цели совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, а также возможность объединения двух или более организованных групп с той же целью (п. 2) [25].

В части устойчивости следует дополнить, что она предполагает не только внутреннюю «силу», но и способность противостоять внешним факторам, которые могут тем или иным образом разрушить рассматриваемое формирование. К тому же, с течением времени, под влиянием внешних факторов, изменяется «поведение» группы. И в этом смысле преступное сообщество также быстро реагирует на происходящие изменения, не претерпевая каких-либо сложностей, не позволяющих вести привычную для сообщества деятельность. Эту особенность Д.В. Токманцев именуется инерционностью и адаптивностью [36, с. 70].

В части наличия иерархии и структурированности следует отметить, что преступное сообщество не просто имеет структуру «руководство - подчиненные», но и наличествует среднее, промежуточное звено. Такая сложная структура говорит о максимально тщательном подходе к преступной деятельности. Исходя из этого, можно предположить, что все члены преступного сообщества обязательно осведомлены друг о друге и функциях всех членов сообщества, имеют тесную связь и т.п. Однако, как отмечает Верховный Суд РФ, это не так. Организационные связи действительно устойчивы, но члены преступного сообщества могут вообще не знать друг о друге [31, с. 34]. Так, «рядовые» исполнители, зачастую не знают, кто является организатором, выполняя указания, переданные каким-либо другим соучастником, исполнители достигают преступной цели. Чаще всего это имеет место в случаях с заказными убийствами. Безусловно, это оказывает влияние на квалификацию и привлечение виновных лиц к ответственности.

В литературе также содержится мнение о том, что преступное сообщество представляет собой совокупность организованных групп [30, с. 87].

Со всеми названными признаками можно согласиться, все они присущи преступному сообществу.

Деление соучастия на формы зачастую носит условный, приблизительный характер, что подтверждается множеством подходов к таким классификациям в литературе и отсутствием единообразного подхода в судебной практике. Безусловно, невозможно внести какие-либо жесткие рамки, по которым можно было бы точно определить, к какому виду и к какой форме соучастия относится конкретное преступное объединение, поскольку тогда нормы о соучастии занимали бы значительную часть уголовного законодательства и все равно не описали бы все возможные случаи. К тому же, как и все сферы общества и все направления деятельности, организованная преступная деятельность имеет свойство развиваться с течением времени, с развитием прогресса, информационных и иных технологий.

В уголовно-правовой литературе ставится вопрос о включении в перечень форм соучастия экстремистского сообщества. Дополненный нормой об уголовной ответственности за организацию экстремистского сообщества в 2002 году УК РФ (ст. 282.1), не изменился в части внесения указанной формы в ст. 35 [39].

Мнения ученых разделились. Сторонники одной позиции относили экстремистское сообщество к разновидности преступного сообщества, с включением в него особых черт, присущих экстремистскому формированию. Сторонники другой позиции отнесли экстремистское сообщество к организованной группе [18, с. 148].

Изменения в ст. 35 УК РФ были внесены лишь спустя семь лет - в 2009 году. Согласно изменениям, признак сплоченности был заменен на признак структурированности в определении преступного сообщества (преступной организации). Поскольку такой признак, согласно УК РФ, не присущ

экстремистскому сообществу, тождество между ними исключается (при буквальном и теологическом толковании уголовного закона). Однако диспозиция ст. 282.1 УК РФ содержит указание на структурное подразделение такого сообщества, что, в широком понимании, может быть отнесено к признаку структурированности. Считаем, что между структурированностью и наличием структурного подразделения все же не следует ставить знак равенства. В случае их отождествления можно было бы говорить о недопустимой в уголовном законе аналогии.

Необходимо считать, что экстремистское сообщество может быть разновидностью одной из форм соучастия, поскольку обладает рядом отличительных признаков преступного сообщества, однако действует в «определенной сфере», таким образом, экстремистское сообщество соотносится с преступным сообществом, как часть и целое.

Рассматривая преступное сообщество, следует отметить, что, как террористическому, так и экстремистскому сообществу присущ признак устойчивой группы (что объединяет их с формой организованная группа). Определяя сущность экстремистского сообщества, законодатель говорит об организованной группе лиц (такой формы, как экстремистское сообщество, ст. 35 УК РФ не называет). Наличие в обеих рассматриваемых формах структурных подразделений (при этом законодатель подчеркивает, что такое возможно - «может быть») объединяет их с преступным сообществом, однако последнее в целом должно обладать признаком структурированности, а не просто «может иметь структурное подразделение».

А.Н. Мондохонов считает, что включение экстремистского сообщества в одну из форм соучастия означало бы нарушение уголовно-правовой регламентации форм соучастия и логической понятийной цепочки. В данном случае можно назвать экстремистское сообщество одной из форм соучастия, наряду с иными, указанными в ст. 35 УК РФ. В любом случае отсутствие единообразной терминологии затрудняет правопонимание [16, с. 43].

Для внесения ясности считаем необходимым внести изменения в ст. 35 УК РФ, дополнив их частями 8 и 9 о террористическом сообществе и экстремистском сообществе соответственно. Необходимо подробно описать признаки указанных сообществ, указав, в первую очередь, их цель - совершение конкретной группы преступлений (включая подготовку к ним). На наш взгляд, это в первую очередь отличает рассматриваемые формы от иных видов форм, которые создаются для совершения преступлений вообще, вне зависимости от видовых разграничений.

А если «узкая специализированность» присутствует, то это не несет в себе значения для уголовно-правовой квалификации, а может лишь характеризовать группу определенным образом. Зачастую создание организованной группы или преступного сообщества имеет цель совершение преступлений определенной направленности, чаще всего эта направленность носит корыстный характер.

С учетом изложенного, в качестве критериев разграничения форм соучастия в преступной деятельности в современном российском уголовном законодательстве предлагается рассматривать цель создания и действия такой формы, признак структурированности (имеется ли он вообще и как он проявляется) и количественный признак, и в качестве форм соучастия в преступной деятельности указать в ст. 35 УК РФ следующие:

- группу лиц;
- группу лиц по предварительному сговору;
- организованную группу;
- преступное сообщество (преступную организацию);
- террористическое сообщество;
- экстремистское сообщество.

Значение форм соучастия состоит в дифференциации уголовной ответственности в зависимости от уровня общественной опасности того или иного преступного объединения. Несомненно, формы соучастия должны учитываться следователем при квалификации деяния.

К числу видов соучастия (с учетом наличия или отсутствия распределения ролей и сговора) С.В. Петровым отнесены:

- «простое (без распределения ролей);
- сложное (с распределением ролей);
- соучастие особого рода (преступное сообщество, предусмотренное Общей и Особенной частью УК);
- с предварительным сговором;
- без предварительного сговора» [26, с. 34].

К видам соучастия В.В. Соболев относит:

- «исполнительские функции;
- организаторские и подстрекательские действия;
- пособничество;
- группа лиц без предварительного сговора;
- группа лиц по предварительному сговору;
- организованная группа» [33, с. 71].

Организованная преступная деятельность, по мнению указанного автора, «может функционировать только в одном виде - преступном сообществе (преступной организации). При этом под организованной преступной деятельностью понимается система деяний преступных сообществ, банд и объединений организованных групп по совершению преступлений» [33, с. 71].

А.В. Черных приводит классификацию видов соучастия по характеру выполнения объективной стороны преступления:

- «простое (соисполительство);
- сложное (соучастие с распределением ролей)» [40, с. 82].

А.П. Козлов подразделяет соучастие на следующие виды:

- «соисполительство;
- соучастие с распределением ролей;

- «смешанное соучастие» (сочетание признаков первых двух видов соучастия)» [13, с.56].

Выделение последнего вида автором вызывает определенные вопросы. Прежде всего, непонятно, как в одном случае соучастия могут сочетаться и распределение ролей, и отсутствие такого распределения.

Рассматривая соисполнительство и соучастие с распределением ролей (оба вида, безусловно, имеют право на существование), следует их разграничить. Первый вид характеризуется спонтанностью, отсутствием стойкости, отсутствием предварительных договоренностей, слабой интеграцией, эпизодичностью. При первом виде совместность в ее социальном и психологическом смысле очень слаба. Второму виду присуща стойкость, распределение ролей и функций, вовлеченность соучастников в общее дело, осведомленность соучастников о планах преступного объединения (группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество). Отметим, что законодательство и судебная практика не содержат указания на виды соучастия и признаки, присущие видам. Поэтому в данном вопросе в практике и науке есть обширное поле деятельности и мысли.

Подводя итоги, следует отметить, что разнообразие видов и форм соучастия в уголовно-правовой литературе говорит о множестве взглядов на этот вопрос ученых. В научной литературе также отсутствует единство взглядов на признаки того или иного вида или формы соучастия. При этом каждая из классификаций имеет право на существование и отражает влияние на нее определенного критерия, который положен в основу такой классификации.

Очевидным является и практическое значение выделения и анализа видов и форм соучастия, что позволяет не только определить тот способ, которые субъекты преступления избрали в качестве формирования своего объединения, но и распределение внутри такого сообщества ролей, что, в свою очередь, позволит определить вид соучастника. Ряд признаков, при этом,

указан прямо в ст. 35 УК РФ. Другие же вычленены в доктрине уголовного права. При этом подход к их определению меняется с течением времени.

Безусловно, и вид соучастия, и форма соучастия в равной степени должны учитываться при квалификации и назначении наказания. Однако очевидно различие этих обстоятельств. Форма соучастия призвана охарактеризовать все преступное объединение в целом, а вид соучастия направлен на характеристику персоналий и их ролей в объединении.

Таким образом, необходимо отметить широкое развитие уголовного законодательства, регламентирующего соучастие. УК РФ постоянно дополняется новыми составами, в которых конкретно прописана роль соучастника. Понятие и правовая природа соучастия в преступлении играют важную роль в уголовном праве. Они определяют ответственность каждого соучастника за свое участие в преступлении и способствуют достижению справедливости при наказании.

Глава 2 Признаки соучастия в преступлении в уголовном праве России

2.1 Объективные и субъективные признаки соучастия в преступлении

Вне зависимости от того, какую концепцию акцессорной теории соучастия или теории самостоятельной ответственности соучастников в преступлении придерживаются теоретики и практики уголовно-правовой сферы, большинство согласны в том, что соучастие представляет собой совместную согласованную деятельность, направленную на достижение единого преступного результата. Несмотря на дискуссии вокруг определения признаков соучастия в преступлении, в доктрине уголовного права традиционно выделяют объективные и субъективные признаки этого института.

Большинство советских и современных ученых в области уголовного права (М.И. Ковалев, А.П. Козлов, В.П. Алехин, П.Ф. Тельнов, Р.Р. Галиакбаров, Д.А. Безбородов и другие) поддерживает данную позицию, которая относит категорию объективных признаков к совместности, причинно-следственной связи и участию двух и более лиц, а категорию субъективных - к вине.

Из общей философии достоверно известно, что «в сложно-сконструированных определениях явлений содержатся и их основные признаки. Если обратиться к детальному анализу законодательной дефиниции соучастия в преступлении, то, как уже указывалось в предыдущем разделе, отмечается двойное употребление слова «умышленное», таким образом, законодатель, подчеркивает необходимость не только умышленного соучастия, но и участия в умышленном преступлении, а также акцентирование внимания на объективных признаках соучастия. Но, в определении, в целях его доступности, благозвучия лаконичности, во избежание излишней

нормативной перегруженности, не представляется возможным. Российский законодатель только называет в норме закона основополагающие признаки соучастия. Одним из которых выступает признак «совместности» [4, с. 4].

Стоит отметить, что еще в девятнадцатом веке С.В. Познышев, в своей работе, привел дефиницию соучастия, в которой подчеркнул признак объединенной деятельности соучастников: «Соучастие можно определить, как виновное совершение одного преступления совместной деятельностью нескольких лиц». То есть уже в то время, совместность выделяли в качестве признака, характеризующего объединенные действия соучастников» [27, с. 213].

Ряд ученых высказывает мнение, что данный признак является объективным признаком соучастия в преступлении. Другая же половина научных деятелей придерживается позиции, что «данный признак имеет двойственную - объективно-субъективную характеристику по отношению к институту соучастия в преступлении» [37, с. 18]. Господствующей признается позиция, согласно которой, «совместность участия признается объективным признаком соучастия в преступлении, ее придерживается в своем научном труде А.И. Ситникова» [32, с. 91].

Достаточно жесткую позицию занимает Ю.А. Клименко. Ученый считает, что не может идти речи, о признании двойственного объективно-субъективного характера совместности участия. Свою позицию теоретик мотивирует следующим образом: «если мы признаем совместность объективно-субъективным признаком, то придется в совокупности анализировать и объективные связи между поведением соучастников и общим результатом, и субъективную взаимосвязанность поведения соучастников, и распространения виновности на совместность. При таком подходе нам никогда не удастся в конгломерате указанных элементов достаточно четко выделить проблемы и решить их» [12, с. 113].

Одним из первых, за двойственную природу характера совместности участия высказался В.В. Соболев. Согласно его точке зрения, «совместность -

это момент не только или, вернее, не столько объективный, сколько субъективный» [33, с. 81].

Согласиться с ранее изложенными взглядами действительно непросто. Автор, вероятно, наиболее придерживается объективно-субъективного подхода к пониманию признака совместности соучастия в преступлении. По его мнению, невозможно говорить о соучастии, когда отсутствует психическая связь между совместно действующими лицами. В связи с этим, О.В. Белокуров в своих работах наиболее точно определял содержание совместности участия как «функциональную связь действий соучастников, при которой эти действия взаимно обуславливают друг друга и одно зависит от другого» [4, с. 5].

Мотивы участия отдельно взятых лиц в преступлении могут быть различны, их действия могут иметь разную интенсивность. Совместная преступная деятельность предполагает взаимное влияние участников друг на друга, то есть их действия взаимозависимы и взаимообусловлены. Тем не менее, данное ученым определение преступления является универсальным и для преступлений с материальным и с формальным составом, при этом не упоминается об общественно-опасных последствиях или преступном результате.

Пример: «А. и Р. заранее договорились совершить убийство Ц., который является сотрудником правоохранительных органов. Согласно сговору, А., так как он являлся старым знакомым Ц., должен был сопровождать, под каким-либо предлогом Ц. на заранее снятую квартиру, в которой их ожидал Р. с удавкой. В свою очередь, А. действует из чувства личной ненависти к личности Ц., а Р. из желания отомстить Ц. за его правоохранительную деятельность. Несмотря на то, что соисполнители действуют, руководствуясь разными целями и имеют разные мотивы, они достигли предварительного сговора на убийство Ц., их действия в конкретной обстановке являются необходимым условием выполнения преступления каждым из соисполнителей. Невыполнение оговоренных действий со стороны либо А., либо Р. в обусловленном месте, в оговоренное время делает невозможным совершение задуманного

преступления. Стоит так же отметить, что А. своими действиями посягает на жизнь человека, как на объект уголовно-правовой охраны, следовательно, его действия должны быть квалифицированы по п. ж, ч. 2 ст. 105 УК РФ. Р. сознательно из мести за осуществление законной правоохранительной деятельности, желает смерти Ц., таким образом, его действия следует, согласно его психическому отношению к посягательству на жизнь Ц. квалифицировать по ст. 317 УК РФ» [21].

Аналогичной позиции придерживается С.В. Петров, который в своей работе использует термин «причастности» к совершению преступления. Он пишет о «взаимообуславливании преступной деятельности, когда действие или бездействие одного из соучастников является условием для действия или бездействия другого соучастника» [26, с. 45].

Таким образом, «совместность представляет собой функциональную связь общественно опасного деяния участников, взаимную связь действий каждого из них. Эта связь выражена в согласовании каждым лицом своих действий с поведением других лиц соучастников, что и порождает взаимообусловленность действий» [44, с. 60].

«Одним из наиболее характерных признаков совместности выступает причинная зависимость между действиями каждого из соучастников и единым (общим) преступным результатом. Преступный результат немислим без достижения между соучастниками договоренности, понимания относительно своей противоправной деятельности (задуманного преступления или внезапно возникшего умысла на совершение конкретного преступления) и его результата (последствий)» [30, с. 24]. Е.Ю. Пудовочкин писал, что «причинная связь является той мыслимой границей, дальше которой не может простираться ответственность за соучастие» [28, с. 103].

Действительно, «соучастие может существовать либо до начала совершения преступления, либо возникнуть в качестве присоединяющейся деятельности в момент начала и в течение продолжения совершения преступления. Соучастие возможно до наступления желаемого преступного

результата. Следовательно, какая-либо общественно-опасная деятельность, хоть и осуществляемая в связи с совершением преступления, но не находящаяся с его результатом (наступившим общественно опасным последствием) в причинно-следственной связи, не может рассматриваться в качестве соучастия» [42, с. 87].

«Признак участия двух и более лиц тесно взаимосвязан с вышеописанным признаком совместности участия, так как невозможно представить совместность без участия нескольких лиц в совершении преступления» [45, с. 25]. В литературе, употребленный законодателем признак участие нескольких (двух и более лиц) в совершении преступления, получил название «количественный». «Данный признак характеризует объективную сторону института соучастия в преступлении, однозначно подчеркивая, что совершить преступление в соучастии могут как минимум два лица, являющиеся субъектами преступления. Возникает вопрос, какие лица могут входить в понятие «два и более лица» [8, с. 22].

Понятие лица в институте соучастия в преступлении аналогично общему понимаю лица - субъекта преступления в уголовном праве, данная проблема будет освещена автором в последующих главах. В соответствии со ст. 19 УК РФ, к уголовной ответственности может быть привлечено только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности.

Р.Р. Галиакбаров писал, что «совершение преступления хотя и группой лиц, но лишь при одном лице, которое обладает признаками субъекта состава преступления, невозможно считать соучастием, несмотря на то, что подобное деяние хоть и является «групповым» по своей объективной окраске, но не является соучастием. Иными словами, соучастником может быть только лицо, отвечающее всем признакам субъекта состава преступления, в соответствии с ст. 19 УК РФ. Данной позиции придерживается большинство авторов» [6, с. 113].

«Характеристика субъективных признаков соучастия не меньше споров и дискуссий. Современная, господствующая доктрина соучастия предполагает

наличие умышленной вины всех соучастников. Основным аспектом субъективной характеристики института соучастия в преступлении является указание в законе не только на участие лица в умышленном преступлении, но и умышленность такого участия. Иными словами, соучастие мыслимо только в умышленном преступлении с умышленной формой вины» [17, с. 122].

«Однако, несмотря на определенность данной позиции, в субъективных признаках соучастия открытыми остаются вопросы, касающиеся содержания умысла соучастников, а также других моментов, которые описывают их связь при совместном совершении преступления. Согласно общей теории уголовного права, содержание умысла складывается из интеллектуального и волевого моментов. Интеллектуальный момент состоит из характеристики процессов, которые происходят в психике субъекта. Эти процессы заключаются в осознании лицом общественной опасности своих действий (бездействий), предвидения неизбежности или возможности наступления общественно опасных последствий. Волевой момент состоит в желании наступления общественно опасных последствий (при прямом умысле) или в сознательном допущении указанных последствий (при косвенном умысле). То есть, грань различия между прямым и косвенным умыслом проходит через различие в волевом моменте. Таким образом, описывается вина индивидуально действующего субъекта преступления» [17, с. 122].

«При совершении преступления в соучастии умысел обособлено взятого соучастника не отличается от умысла индивидуального действующего субъекта преступления. Но, соучастие представляет собой совместную деятельность двух и более лиц, таким образом, в случае совершения преступления в соучастии, необходимо установить не только наличие умысла каждого соучастника, но и наличие совместного, общего умысла всех соучастников преступления. Интеллектуальная сторона умысла лица, действующего в соучастии, имеет отличие от интеллектуальной стороны умысла единолично действующего лица. Данное отличие выражается в том, что для признания лица соучастником необходимо, чтобы человек понимал

все обстоятельства происходящего события: то есть и обстоятельства, которые непосредственно относятся к его собственным действиям и которые охватывают деятельность других соучастников» [27, с. 84].

Другими словами, «каждый соучастник должен знать и достоверно осознавать, что он участвует в совершении умышленного преступления, и действует не один, а совместно с другими соучастниками. В этом заключается суть особенности интеллектуального момента умысла соучастника, в сравнении с интеллектуальным элементом умысла индивидуально действующего субъекта преступления. Так же, неотъемлемой частью интеллектуального момента умысла соучастника преступления является предвидение общественно опасных последствий. В силу того, что для соучастников преступный результат является общим, единым, то осознанием соучастников должно охватываться предвидение именно того общего, желанного всеми соучастниками преступного результата. Иными словами, желание достичь и предвидение соучастниками различных последствий преступного посягательства соучастия не образует» [27, с. 84].

«Совместная преступная деятельность предполагает наличие некоторой психической общности, психической связи между совместно действующими лицами. Достаточно четко можно проследить и выделить характерные черты и волевого момента умысла соучастников. Волевой элемент умысла пособника, подстрекателя, организатора, отличается по своей сути от волевого элемента умысла исполнителя преступления. Это связано со свойствами опосредованной причинной связи между преступной деятельностью организатора, подстрекателя, пособника и результатом преступления, достигаемым, в основном, за счет действий исполнителя. Вне всяких сомнений сущность волевого элемента умысла исполнителя состоит в общественно опасном последствии преступления, которое он совершает, причем, наступление такого последствия, он либо желает, либо допускает сознательно, либо относится к такому последствию безразлично» [27, с. 121].

В научной литературе часто поднимается вопрос, о возможности соучастия с косвенным умыслом. Данная проблема так и не получила однозначного разрешения, это связано, во-первых, с тем, что уголовный закон не определил в понятии соучастия точных формы умысла.

Это породило предпосылки для рассуждений о возможности соучастия не только с прямым, но и с косвенным умыслом. То есть, законодательная дефиниция соучастия, допускает существование соучастия с косвенным умыслом, что прямо видно из содержания статьи 32 УК РФ. Граница между прямым и косвенным умыслом лежит в плоскости волевого момента.

2.2 Выделение новых видов соучастников по функциональному признаку

Следует сказать о том, что в разных странах классификация соучастников преступления регламентирована по-разному.

Так, в немецком законодательстве и литературе выделяют соисполнительство (два и более равноценных исполнителя) и собственно соучастие (соучастие в деянии, исполненном другим лицом).

Примечательно, что в странах англо-саксонской правовой семьи виды соучастников не выделяются вовсе. Все участники преступления именуется исполнителями, вне зависимости от их конкретной роли. Безусловно, при назначении наказания судья учитывает вклад конкретного лица в достижение преступного результата.

В нашей стране нет разграничения между соисполнительством и соучастием, как в немецком праве. Соисполнительство - это одно из проявлений соучастия.

Если выделять конкретные виды соучастников преступления, то следует обратиться к ст. 33 УК РФ, которая в качестве таковых называет исполнителя, организатора, подстрекателя, пособника.

С точки зрения теории, все указанные соучастники выполняют различные роли, определенные функции, имеют различные цели, однако на практике зачастую их функции переплетаются, одно и то же лицо выполняет несколько ролей и возникают другие случаи так называемого смешения в соучастии. Поэтому можно отметить, что изучение видов соучастников и особенностей, характерных черт каждого из видов является важным, однако применять на практике такие знания следует с оговоркой, учитывая конкретный случай. Связано это с тем, что, во-первых, зачастую одно и то же лицо выполняет функции двух и более видов соучастников, во-вторых, в «чистом виде» признаки, присущие конкретному виду соучастника, могут не всегда наличествовать в совокупности, либо быть трансформированы.

Первый вид соучастника в преступлении - исполнитель. Согласно ч. 2 ст. 33 УК РФ, исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК РФ.

Д.В. Токманцев проводил градацию следующим образом: фигура исполнителя возможна только, если имеет место состав соучастников, и при осуществлении им определенной роли. Фигуры всех соучастников являются соотносительными, то есть существуют во взаимосвязи. Есть единое деяние, а в нем распределены функции соучастников, в зависимости от их видов [36, с. 70].

Невозможно представить себе ситуацию, при которой существует один исполнитель, а других соучастников нет.

Традиционно в литературе исполнитель является ядром, тем, чьими руками фактически совершается преступное деяние. Все иные виды соучастников оказывают исполнителю содействие - материальное, интеллектуальное, физическое, организационное. Таким образом,

исполнитель - основная сила, все иные участники носят вспомогательный характер. Являясь центральной фигурой, исполнитель может иметь и иные роли, однако очевидно, что без исполнителя нет соучастия, поскольку именно его активными действиями совершается преступление.

На практике и в науке принято выделять три разновидности исполнителей:

- индивидуально действующий исполнитель, т.е. лицо, которое самостоятельно полностью выполнило объективную сторону того или иного преступления при организации, подстрекательстве или пособничестве третьих лиц;
- соисполнители, т.е. лица, которые совместно полностью или каждый в определенной части выполнили объективную сторону преступления;
- посредственный причинитель, т.е. лицо, которое выполняет объективную сторону состава преступления посредством использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности, а равно посредством использования животных или управляемых им технических приспособлений.

Согласно ч. 5 ст. 33 УК РФ, пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы.

Основные признаки действий пособника, рассмотренные в уголовно-правовой доктрине - это советы, указания, предоставление информации, что способствует совершению преступления, а равно - достижению преступного результата.

Относительно перечня действий, характеризующих поведение пособника, в научных кругах имеются споры. Мнения разделились на следующие: перечень действий должен быть закрытым, уголовное право не предполагает аналогии и диспозитивности; перечень должен быть открытым, невозможно вписать в ч. 5 ст. 33 УК РФ все случаи возможных действий пособника.

Такой открытый перечень действий пособника содержат, например, УК Республики Беларусь, УК ФРГ, УК Франции, УК Японии, УК Грузии. Указанные нормативные акты содержат указание на основную роль пособника - содействие преступлению, а закрытый перечень конкретных действий отсутствует (указаны некоторые примеры действий и содержится фраза «иные действия»).

Необходимо считать, что закрытый перечень не сможет отразить все случаи возможного поведения пособника и не позволит привлекать к уголовной ответственности за некоторые пособнические действия. В любом случае квалификация действий лица, как пособника, нуждается в точном описании с мотивацией отнесения лица к роли пособника.

Строго закрытый перечень приведет к тому, что уголовный закон не будет успевать за появлением новых способов осуществления посредничества и новых посреднических действий.

Если рассматривать законодательную конструкцию нормы ч. 5 ст. 33 УК РФ, то мы видим закрытый перечень. Однако на практике этот перечень получает расширительное толкование в соответствии с конкретным случаем совершения преступления. Так, пособничеством судебная практика признает следующие действия:

- «доставка исполнителей к месту совершения преступления и увоз их с места совершения преступления;
- физическое посредничество в совершении преступлений, имеющее форму незаконной сделки (например, в незаконных сбыте или приобретении предметов вооружения, психоактивных веществ);

- доставление (путем обмана, злоупотребления доверием, насилия) потерпевшего к месту совершения преступления;
- остановка автомобиля потерпевшего;
- предоставление исполнителю средства для сокрытия следов преступления;
- перевозка орудий совершения преступления;
- предоставление помещения для совершения преступления;
- наблюдение за окружающей обстановкой во время совершения преступления непосредственными исполнителями с целью предупреждения их об опасности;
- отвлечение внимания потерпевшего и других лиц при совершении преступления соучастниками» [41, с. 23].

Безусловно, в широком смысле содействие присутствует и в действиях посредника, и в действиях пособника. Однако все же необходимо считать, что в действиях пособника присутствует больше «физического», чем «интеллектуального». Необходимо учитывать, что такое разграничение весьма условно.

Что касается непосредственного участия пособника в осуществлении действий, направленных на реализацию объективной стороны преступления, то такое участие отсутствует. Такие действия характерны для посредника.

Если рассматривать форму вины пособника, то можно увидеть, что в литературе нет единства мнений по этому вопросу. Ученые спорят, только ли умышленная форма вины может быть в случае с пособничеством или же возможна неосторожность [10, с. 122]. В ст. 32 УК РФ отражена доминирующая в науке позиция об умышленной форме вины соучастников, что в полной мере относится и к пособнику. Связано это с тем, что нет единства мнений по вопросу вольного элемента умысла. Если действия пособника отвечают признаку совместности, то можно говорить о прямом умысле, что подтверждается судебной практикой.

Если говорить о волевом отношении пособника к совместно совершаемому преступлению и его последствиям, то может быть косвенный умысел. Это может быть выражено в безразличном отношении пособника к преступлению и его последствиям, он может явно не желать наступления последствий. Такой вариант присутствует при осуществлении функций пособника за вознаграждение. Считаем, что неосторожность в случае с пособничеством должна исключаться.

Необходимо затронуть вопрос о степени общественной опасности действий пособника. В литературе нередко высказывается мнение о том, что пособник «выступает на вторых ролях», что он лишь советует, а это само по себе опасным не является. Однако это не совсем так. Те советы и та информация, которые выдаются пособником, могут сыграть решающую роль в совершении преступления. В рамках исследования необходимо провести разграничение ролей пособника и подстрекателя. Так, подстрекатель явно направляет свою деятельность на то, чтобы убедить лицо совершить преступление. Пособник же высказывает советы, но действия его явно не говорят о намерениях подстрекательства.

Еще один вид соучастника преступления - подстрекатель. Его роль представляется наиболее сложной и с юридической, и с психологической точки зрения. Деятельность подстрекателя настолько продуманна и сложна, что зачастую исполнитель преступления не осознает, что совершил преступное деяние по умелому «указанию» подстрекателя. В этом случае можно говорить об односторонней субъективной связи, тогда как в иных случаях соучастие предполагает двустороннюю связь.

Можно говорить о том, что фигура подстрекателя в наибольшей степени является инициатором, чем фигура организатора.

Организатором является лицо, в результате интеллектуальных и мыслительных процессов которого была создана схема, механизм или алгоритм для выполнения другими лицами, вовлеченными в процесс, преступного деяния, результатом которого стало достижение преступного

результата. Организатор, как правило, напрямую заинтересован в достижении такого результата и вся координация им действий иных соучастников направлена на это.

В соответствии с ч. 3 ст. 33 УК РФ, организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими.

Действия организатора рассматриваются альтернативно, и к ним можно отнести подбор соучастников, разработку структуры группы, обеспечение дисциплины, планирование преступления, улаживание внутренних конфликтов. Иными словами, чем больше функций выполняет организатор, тем выше степень его фактического участия и соответственно общественная опасность его действий и наказание.

Организатор, кроме того, обеспечивает взаимодействие среди соучастников. Организатору присущи функции дачи указаний относительно действий по исполнению преступных деяний. При этом организатор координирует и при необходимости корректирует действия исполнителя.

Таким образом, можно говорить об организационно-распорядительных, управленческих функциях в действиях организатора, присущих ему коммуникативных навыков. Из вышесказанного следует еще одна особенность действий организатора - их адресность. Указания организатора распространяются, как правило, на исполнителя или нескольких исполнителей.

Безусловно, организатор имеет определенную власть над другими соучастниками. Власть эта может базироваться на началах авторитета, зависимости, страха соучастников и других, но она всегда присутствует во взаимоотношениях «организатор - иной соучастник».

Характеристике действий организатора присуща функциональная двойственность теории и практики. Организация преступления упорядочивает

деятельность соучастников, координирует их действия. Зачастую организатор является инициатором совершения преступления.

Но иногда функции инициатора принадлежат подстрекателю. Поэтому можно говорить о некоем смешении функций этих двух видов соучастников. Однако и между ними есть различия. Подстрекатель побуждает у исполнителя желание совершить преступление, делает это наиболее тонко, а организатор осуществляет руководство сложившимся и устоявшимся желанием исполнителя совершить преступное деяние.

Также следует различать функции организатора и руководителя. Анализируя понятие организатора, можно отметить, что он несет свои функции в процессе организации преступления. Руководителем может быть иное лицо. Однако по смыслу уголовного закона и организаторские и руководящие функции являются преступными и подлежат ответственности со ссылкой на организатора.

Следующий вид соучастника - посредник. В ст. 33 УК РФ такой вид отсутствует, однако назван в иных нормах УК РФ и, по нашему мнению, требуется анализ такого специфического вида соучастника и последующее включение его в перечень видов соучастников [39].

В литературе фигура посредника получила обширное изучение и повышенное внимание. Связано это, помимо прочего, с тем, что институт посредничества получает развитие в современный период, что говорит об актуальности вопроса. Так, 5 лет назад была введена норма об уголовной ответственности за посредничество при оказании противоправного влияния на результаты спортивных соревнований или зрелищного коммерческого конкурса (ч. 5 ст. 184 УК РФ) и за посредничество в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ). Безусловно, институт посредничества не новый, упоминания о нем имеются и в исторических источниках права, на что указано в первой главе настоящей работы.

Суть роли посредника сводится к тому, что он является связующим звеном между двумя сторонами так называемой сделки, которая не является

соответствующей закону. Кроме того, посредник способствует достижению договоренностей таких сторон, и впоследствии достижения такого соглашения - совершению такой сделки. И здесь следует отметить сложность юридической квалификации действий посредника, а также сложности в психологическом анализе поведения посредника, поскольку алгоритм действий посредника всегда различен, не всегда действия носят явно выраженный характер, видимый третьим лицам. Зачастую посредник действует тонко и в связи с этим его деятельность остается за рамками уголовного преследования [29, с. 72].

К сложностям квалификации действий посредника добавляется и отсутствие четкого его определения в УК РФ, что опять же объяснимо его различным поведением. Если рассматривать участие посредника именно во взяточничестве, то можно отметить, что роли посредника и пособника зачастую назывались тождественными в литературе, по причине смешения их функционала.

Непостоянен в этом вопросе и Верховный Суд РФ, который указывал и на смешение понятий и ролей, и на то, что такое смешение не основано на законе. Яркий пример смешения ролей посредника и иных соучастников - убийство по найму. Посредник здесь может быть и организатором, и подстрекателем. В целом зачастую интеллектуальный вид посредничества и подстрекательство стоят очень близко друг к другу. Зачастую невозможно разграничить эти роли на практике из-за недостатка информации у следователя, судьи, из-за отсутствия должных знаний психологии у указанных лиц и т.д.

В любом случае важную (можно сказать, первостепенную) роль играет вид преступления и установление уголовной ответственности за него. Предусматривает состав фигуру посредника в качестве единственно возможного субъекта преступления или посредник может быть только соучастником. Немаловажно, что в УК РФ физическое посредничество в

буквальном смысле не содержится (в перечне действий посредника). На интеллектуальное пособничество указывает и ч. 5 ст. 291.1 УК РФ.

Безусловно, необходимым было бы включение в уголовный закон четких признаков посредника, указание на них в ст. 33 УК РФ. Это привело бы к единообразию практики определения ролей в преступлении. Также следует обратить внимание на сущность действий посредника, которые носят представительские функции (по аналогии с институтом представительства в гражданском праве).

Важным вопросом является выявление наиболее опасного вида соучастника. Сложно дать однозначный ответ, подходящий под все случаи соучастия, поскольку это напрямую зависит от вида и характера совершенного преступления и степени участия в нем каждого из соучастников. В каких-то случаях наибольший вклад внесен организатором, который создал преступное объединение, подобрал соучастников, распределил роли между соучастниками.

В иных случаях подстрекатель аккуратно и тонко привел исполнителя к совершению преступления (часто это случается с преступлениями наркотической направленности). В других случаях пособник оказал настолько серьезную помощь «общему делу», что преступный результат был достигнут в наибольшей степени. Поэтому очевидно одно - необходимо этот вклад учитывать в каждом конкретном случае при квалификации и назначении наказания. Выявление роли каждого из соучастников имеет практическую значимость. Поскольку от этого зависит квалификация деяний конкретного лица и назначение ему соответствующему его вкладу в достижение результата наказания.

Ряд признаков, при этом, указан прямо в ст. 35 УК РФ. Другие же вычленены в доктрине уголовного права. При этом подход к их определению меняется с течением времени.

Таким образом необходимо подвести итоги данной части исследования. Они следующие.

Безусловно, и вид соучастия, и форма соучастия в равной степени должны учитываться при квалификации и назначении наказания. Однако очевидно различие этих обстоятельств. Форма соучастия призвана охарактеризовать все преступное объединение в целом, а вид соучастия направлен на характеристику персоналий и их ролей в объединении.

Итак, уголовное законодательство является одной из основных составляющих правовой системы и направлено на регулирование общественных отношений в сфере борьбы с преступностью. Вместе с тем наблюдается необходимость в постоянном усовершенствовании данной сферы, чтобы эффективно противостоять новым вызовам и изменяющимся формам преступности.

С целью эффективной борьбы с преступностью и обеспечения законности в обществе, необходимо постоянно анализировать действующее законодательство и выявлять пробелы или слабые места. В последние годы стало заметно возрастание числа преступлений, связанных с использованием современных информационных технологий. Это создает потребность в определении новых видов соучастников таких преступлений и разработке соответствующих мер борьбы с ними.

Глава 3 Актуальные проблемы теории и правоприменительной практики при квалификации соучастия в уголовном праве

3.1 Проблемы преступлений, совершенных в соучастии по наличию квалифицирующего признака

Специальные вопросы ответственности соучастников преступления обусловлены особенностями действий отдельных соучастников преступления и иными внешними обстоятельствами.

К специальным вопросам ответственности соучастников преступления в литературе традиционно относят следующие вопросы:

- квалификация преступлений, совершенных в соучастии;
- неудавшееся соучастие;
- эксцесс соучастников преступления;
- добровольный отказ от совершения преступления.

Квалификация преступлений, совершенных в соучастии, как и ответственность соучастников преступления, базируется на смешении теории акцессорности и теории самостоятельности.

Для квалификации соучастия необходимо, чтобы каждый из соучастников действовал с умыслом. Это проистекает из буквального толкования ст. 32 УК РФ, с опорой на признак совместности.

Сегодня очевидны проблемы квалификации преступлений, в том числе, совершенных в соучастии. И считаем возможным определить, что такие проблемы начинаются с дефектов нормативной базы и постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Так, п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» говорит о том, что, «если по делу несколько подсудимых обвиняются в совершении одного и того же преступления (преступлений), государственный обвинитель вправе не повторять фактические

обстоятельства преступления (преступлений) при изложении обвинения в отношении каждого из них» [23].

Такое положение считаем абсолютно противоречащим принципам индивидуализации уголовной ответственности соучастников преступления.

Должна быть квалификация в отношении каждого из соучастников и ее обоснование государственным обвинителем в суде. Данное положение вступает и в противоречие с ч. 1 ст. 34 УК РФ, которая говорит об определении ответственности соучастников преступления в зависимости от характера и степени фактического участия¹⁸³. Именно поэтому прокурор должен отразить эти обстоятельства, чтобы в конечном итоге суд вынес справедливый приговор.

Немаловажный вопрос, связанный с ответственностью соучастников - удовлетворение гражданского иска в уголовном процессе. В ходе судебного разбирательства по уголовным делам по преступлениям, совершенным в соучастии, возникают проблемы, при определении обязанного возместить вред лица. Очевидным здесь становится внедрение субсидиарного порядка удовлетворения требований потерпевшего лица в случае совершения преступления в группе с учетом роли каждого из соучастников [20, с. 33].

Особый интерес представляют дела о преступлениях, совершенных в соучастии, при заключении одним или некоторыми участниками досудебного соглашения о сотрудничестве. Так, суды при рассмотрении дел, выделенных в отдельное производство в связи с наличием заключенного соглашения о сотрудничестве, возлагают на субъекта обязанность по возмещению ущерба потерпевшему в полном объеме, тогда как судебные решения в отношении других соучастников преступления еще не состоялись.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ изменила постановленный в порядке ст. 317.7 УПК РФ [38] приговор в части решения по гражданскому иску, поскольку суд не учел, что ранее состоявшимися приговорами удовлетворены аналогичные требования потерпевших к осужденным в порядке главы 40.1 УПК РФ, уголовные дела в отношении

которых были выделены в отдельные производства. То есть материальный ущерб был взыскан дважды [1].

Немаловажный вопрос, имеющий теоретическое и практическое значение — это неудавшееся соучастие. Указанное понятие в уголовном законодательстве отсутствует, однако доктрина уголовного права активно его применяет и исследует. Так, под неудавшимся соучастием понимается такое соучастие, которое не имело последствий, желаемый преступный результат при этом не достигается. И в этом процессе важную роль играет признак совместности, который попросту отсутствует. По субъекту неудавшееся соучастие подразделяется на неудавшееся организаторство (попытка осуществить организацию и последующее руководство преступлением), неудавшееся пособничество (попытка оказать содействие), неудавшееся подстрекательство (попытка склонить к совершению преступления и последующий отказ исполнителя).

При неудавшемся соучастии лицо проявляло преступную активность, однако признак совместности отсутствовал и преступный результат достигнут не был.

Что касается «сферы распространения» эксцесса, то это возможно, как при простом соучастии (соисполнительство), так и при сложном (при распределении ролей). Единственное ограничение - эксцесс возможен только при наличии предварительного сговора. В случае совершения преступления без предварительного сговора эксцесс исключается, что вполне обосновано и логично, ведь нет исходного умысла.

Вместе с тем практика содержит примеры применения нормы об эксцессе к иным соучастникам, кроме исполнителя. Так, «Г. организовал убийство своей жены с целью сокрытия ранее совершенного преступления – развратных действий в отношении дочери жены от первого брака, и его действия были квалифицированы в этой части по ч. 3 ст. 33, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (организация убийства с целью сокрытия преступления). Действия М. - непосредственного исполнителя убийства квалифицированы по ч. 1 ст. 105

УК РФ. Судом апелляционной инстанции не подвергнуты сомнению фактические обстоятельства по делу, в том числе и мотив действий организатора преступления - Г. Несмотря на это, действия Г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации переквалифицировала с ч. 3 ст. 33, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ, указав, что «мотив (с целью скрыть другое преступление), которым, в действительности, руководствовался организатор убийства - Г., был скрыт от исполнителя М. и, следовательно, мотив Г. в данном случае не влияет на правовую квалификацию его действий, поскольку он (Г.) исполнителя М. к квалифицированному убийству Г. не склонял». Судебная коллегия при решении вопроса о переквалификации действий организатора преступления исходила из того, что ч. 3 ст. 34 УК РФ независимо от обстоятельств, относящихся к организатору преступления (в том числе независимо от направленности умысла, от мотива, цели его действий), предполагает квалификацию содеянного им по той же норме уголовного закона, что и действия исполнителя. Однако такой вывод сделан без надлежащего анализа норм уголовного закона и без учета ряда обстоятельств, имеющих значение для правильной правовой оценки содеянного» [2].

Предложения о расширении круга лиц, могущих совершить эксцесс, высказывались профессором С.Ф. Милюковым, который говорил о внесении в ходе обсуждения проекта УК предложения о трансформации нормы об эксцессе исполнителя в норму об эксцессе соучастник [17, с. 66].

«Другой немаловажный специальный вопрос ответственности соучастников преступления заключается в исследовании соучастия в преступлениях со специальным субъектом. Как известно, осуществить посягательство на некоторые объекты уголовно-правовой охраны может только специальный субъект - субъект преступления, имеющий определенные признаки. Такой специальный субъект имеет определенный правовой статус или занимается определенной деятельностью. Таким образом, уголовный закон ограничивает возможность исполнительства определенных видов

преступлений. В таких случаях соучастники могут нести ответственность по соответствующей статье» [19, с. 60]

Особенной части УК РФ только в иных ролях (организатор, подстрекатель или пособник), как на то указывает ч. 4 ст. 34 УК РФ.

Примером преступления, где лишь один из исполнителей (или единственный исполнитель) обладает признаками специального субъекта - случай с убийством матерью новорожденного ребенка, действия непосредственно матери квалифицируются по ст. 106 УК РФ, действия соисполнителя будут квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку только мать новорожденного ребенка в данном случае может нести ответственность по ст. 106 УК РФ. В качестве примера можно привести Приговор № 1-111/2020 от 13 июля 2020 г. по делу № 1-111/2020 [22].

В таких случаях возникают некоторые проблемные моменты. Основной из них - как привлекать к ответственности исполнителя, не отвечающего признакам специального субъекта, но при этом исполнившего объективную сторону, например, под руководством (организаторством) специального субъекта. По общему правилу отсутствие исполнителя предполагает отсутствие и соучастия. А исполнитель в преступлениях со специальным субъектом должен этим критериям соответствовать.

Следующий проблемный вопрос связан с наличием квалифицирующего (привилегирующего) признака. Так, если в качестве квалифицирующего признака специального состава предусмотрено совершение преступления группой лиц, например, ч. 2 ст. 160 УК РФ, то действия субъекта-исполнителя следует квалифицировать по ч. 1 ст. 160 УК РФ, а действия субъекта-пособника - по ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 160 УК РФ, хотя совершение присвоения или растраты группой лиц повышает общественную опасность этих деяний по сравнению с его совершением одним лицом, что должно влечь более строгое наказание. Примером может послужить Апелляционное постановление № 22-682/2023 от 6 апреля 2023 г. по делу № 4/17-1/2023 [3].

Решение обозначенной проблемы в доктрине предлагается следующее - внесение изменений в формулировку соответствующей нормы Особенной части УК РФ с указанием на квалифицирующий признак «те же деяния, совершенные по предварительному сговору группой лиц либо с лицами, не указанными в части первой настоящей статьи».

С таким предложением считаем возможным согласиться, поскольку внесение такой формулировки позволит наиболее справедливо и объективно вменить то или иное деяние. Другие предложения по решению указанной проблемы сводятся к тому, чтобы указать в норме Особенной части УК РФ на исполнителя как непосредственно совершившее деяние лицо, так и соучастника (кроме исполнителя), обладающего признаками специального субъекта посредством использования лица, не обладающего специальными признаками (например, когда подстрекатель обладает специальными признаками, а исполнитель - нет).

Такое предложение считаем более проблематично исполнимым в вопросе юридической техники и сложности внесения изменений в значительное число норм Особенной части УК РФ.

В следственной и судебной практике присутствует расширительное толкование специального субъекта, за счет чего «неспециальный» субъект привлекается к ответственности. Так, специальным субъектом преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, является руководитель организации, специальным субъектом преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, является главный бухгалтер или бухгалтер. Однако Верховный Суд РФ (п. 10 постановления Пленума ВС РФ от 18.11.2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве») [24] указал, что к таким субъектам могут быть отнесены лица, выполняющие обязанности или функции руководителя организации.

Таким образом, субъектом преступления может быть не только не руководитель и не бухгалтер организации, но и в целом иной работник данной организации или вообще лицо, не являющееся работником организации.

В литературе высказываются предложения расширить круг субъектов подобных преступлений, указав на лицо, не обладающее формальными признаками, однако представляющее интересы такой организации, как юридического лица. Такой подход содержит зарубежное уголовное законодательство, например, ФРГ, Испании.

Очевидным остается одно - совершить преступление, совершение которого уголовным законом предусмотрено только при наличии специальных признаков, может и иное лицо, формально такими признаками не обладающее, но реализовавшее объективную сторону преступления. Очевидно, что преступление, предусмотренное ст. 290 УК РФ, может совершить не только должностное лицо, но и иное, фактически имеющее возможность принимать соответствующие решения, за которые может быть получена взятка. Такой подход должен быть отражен в ст. 290 УК РФ.

Еще одним специальным вопросом ответственности соучастников преступления является вопрос о добровольном отказе соучастников преступления.

Прежде всего, следует сказать о началах гуманизации уголовного закона, которые находят свое проявление в подобного рода нормах. На протяжении практически всей истории уголовного законодательства оно носило не только сугубо карательный характер, но и предопределяло способы смягчения ответственности или вовсе ее отсутствие в некоторых случаях.

Одной из таких «льгот», результат которой - исключение ответственности, является добровольный отказ. Здесь возникает вопрос, по какой причине законодатель не сформулировал добровольный отказ в норме об основаниях освобождения от уголовной ответственности, а вносит иное понятие - исключение ответственности.

Добровольный отказ предполагает прекращение лицом создания условий для совершения преступления или действий (бездействия), направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца. При этом есть обязательные

признаки, лишь при наличии которых такой отказ будет истинно добровольным.

К таковым следует отнести добровольность и окончательность. Вместе с тем до настоящего времени в доктрине возникают дискуссии относительно количества и содержания признаков добровольного отказа. Выделяется и такой признак, как своевременность.

Говоря о дефиниции добровольного отказа от преступления, можно сказать, что она далека от совершенства, имеет определенные недостатки. Добровольность и окончательность как обязательные признаки не указаны в ч. 1 ст. 31 УК РФ, что не представляется обоснованным, поскольку очевидно, что дефиниция должна содержать указание на признаки

3.2 Основные направления совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым в соучастии

Современное общество сталкивается с растущей сложностью и разнообразием преступлений, совершаемых в соучастии.

В данном контексте важным аспектом становится совершенствование уголовного законодательства, чтобы эффективнее реагировать на такие преступления и наказывать соучастников в полной мере. Необходимо разработать новые нормы и правила, которые бы отражали все особенности этих преступлений и предоставляли правосудию необходимый инструментарий для расследования и судебного разбирательства. Важно также учитывать международные стандарты и опыт других стран при формировании новых законодательных актов.

Только тесное взаимодействие государственных органов, экспертов-правозащитников и общественности позволит достичь положительных результатов в борьбе с преступлениями, совершаемыми в соучастии. Настоящая статья предлагает анализ существующей практики и

законодательства, а также рассмотрение возможных путей усовершенствования уголовного законодательства для эффективной борьбы с этой категорией преступлений.

В современных условиях становятся востребованными новые направления развития противодействия групповой и организованной преступности, что обуславливает уголовно-правовую корректировку института соучастия в преступлении. На наш взгляд, перспективы развития института соучастия в отечественном уголовном законодательстве видятся в следующих направлениях.

Необходимо утверждать, что «в следственной и судебной практике продолжает оставаться неразрешенной проблема квалификации преступлений по признаку «группы лиц по предварительному сговору», при котором по определенным составам преступлений, предусмотренным Особенной частью УК РФ, институт соучастия искусственно ограничивается непосредственным выполнением участниками полностью или частично объективной стороны преступления. Окончательная квалификация деяний соучастников по факту не зависит от наличия или отсутствия предварительного сговора» [7, с. 24]. Иными словами, предварительный сговор между соучастниками не отражает квалификацию деяния по признаку «группы лиц по предварительному сговору». Поэтому, на наш взгляд, наличие сговора не может быть основанием для уголовного преследования, а существование в уголовном законе классификации форм соучастия по степени согласованности непрактично.

«Направлением в развитии института соучастия в преступлении видится введение числового критерия соучастников в составе организованных групп, преступных сообществ (преступных организаций) и иных видов преступных объединений. Исходя из анализа практики противодействия организованной преступности, вызывает серьезные сомнения справедливость привлечения к уголовной ответственности участников организованной группы, состоящей из двух человек, чьи, возможно, личные взаимоотношения правоприменитель уполномочен рассматривать в качестве криминализованного признака

устойчивости организованной формы соучастия. Представляется, что какими бы устойчивыми ни были взаимоотношения между двумя лицами, уголовно-правовое значение организованности требует большего количества субъективных связей между соучастниками для вывода об устойчивости и организованности преступного объединения. В перспективе развитие отечественного уголовного законодательства будет осуществляться путем формализации конкретных числовых составляющих» [32, с. 85].

Перспективы развития института соучастия в преступлении и его правоприменения в современных условиях видятся в следующем:

Во-первых, в целях рационализации следственной и судебной практики подлежат исключению наиболее спорные, пускай и классические, формы соучастия «группа лиц» и «группа лиц по предварительному сговору». По причине отсутствия принципиальных уголовно-правовых различий между совершением преступления «группой лиц», «группой лиц по предварительному сговору» и «соучастием» для формирования единообразной практики, полагаем обоснованным введение квалифицирующего признака преступлений - «в соучастии или с участием лиц, не способных нести уголовную ответственность».

Вместе с тем при исключении квалифицирующего признака «организованной группой», преступления, совершенные в составе организованных форм соучастия, подлежат квалификации по совокупности с криминализированным созданием, руководством и участием в организованной группе либо с преступлениями, предусматривающими ответственность за организацию преступных объединений.

Во-вторых, международные обязательства по ратифицированной Российской Федерацией Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. повлекут за собой имплементацию в российское уголовное законодательство положений о минимальном численном составе организованных групп и преступных объединений. Формализация числового критерия участников преступных

объединений неразрывно связана с формализацией минимального числа определенных деяний, составляющих преступную деятельность, что послужит основанием для уголовного преследования как физических, так и юридических лиц.

В-третьих, интенсивное развитие современных информационно-коммуникационных средств способствует совершению преступлений в соучастии на экстерриториальной основе, дистанционно и анонимно, в связи с чем уголовное преследование участников террористических, экстремистских и иных преступных групп, сообществ и организаций по территориальному принципу ограничивается. Несмотря на то, что в настоящее время традиционный институт соучастия в преступлении в целом позволяет правоприменителям противодействовать участникам различных преступных объединений, в том числе международных и межрегиональных, эволюционное, а также в ряде направлений революционное развитие общественных процессов и информационных технологий рано или поздно потребует изменений во всех институтах отечественного уголовного законодательства и сегментах правоприменительной практики.

Подводя итоги, следует отметить, что в связи с теоретической и практической возможностью совершения эксцесса не только исполнителем преступления, но и иными соучастниками, предлагается внести изменения в ст. 36 УК РФ, наименование которой следует изложить следующим образом «Эксцесс соучастника преступления», внося в ее содержание следующий текст: «Эксцессом соучастника преступления признается совершение им преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников. За эксцесс соучастника другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат».

Полагаем такие изменения обоснованными и подлежащими внесению в Уголовный кодекс РФ. Это позволит судам применять норму об эксцессе не только к исполнителю, но и к иным соучастникам, что, в свою очередь,

обеспечит равный подход ко всем субъектам преступлений и назначение справедливого наказания.

Кроме того, требует корректировки ст. 290 УК РФ, в части указания на субъект преступления - лицо, фактически имеющее возможность принимать соответствующие решения, за которые может быть получена взятка. Это предложение требует обоснования, а также конкретизации (не ясно о каком субъекте идет речь).

Таким образом, подводя итоги необходимо констатировать следующее.

Важным аспектом становится совершенствование уголовного законодательства, чтобы эффективнее реагировать на такие преступления и наказывать соучастников в полной мере. Необходимо разработать новые нормы и правила, которые бы отражали все особенности этих преступлений и предоставляли правосудию необходимый инструментарий для расследования и судебного разбирательства. Важно также учитывать международные стандарты и опыт других стран при формировании новых законодательных актов.

Только тесное взаимодействие государственных органов, экспертов-правозащитников и общественности позволит достичь положительных результатов в борьбе с преступлениями, совершаемыми в соучастии. Настоящая статья предлагает анализ существующей практики и законодательства, а также рассмотрение возможных путей усовершенствования уголовного законодательства для эффективной борьбы с этой категорией преступлений.

Заключение

Вопросы ответственности за совершение преступлений в соучастии продолжают оставаться актуальными, так как групповая и организованная преступность по-прежнему представляют высокую общественную опасность для всех без исключения объектов преступных посягательств.

В современном обществе, подверженном постоянным изменениям и развитию, уголовное право является одной из важнейших отраслей права. Каждый год в Российской Федерации принимаются новые законы и нормативные акты, направленные на совершенствование системы уголовного правосудия.

Проведенное исследование соучастия в преступлении как института российского уголовного права позволяет сделать следующие выводы.

Под соучастием в преступлении следует понимать стечение преступников, которое предполагает такое участие в преступлении или такое его совершение, когда в этом принимают участие два или более лица, действия (бездействие) которых носят совместный характер, а также такие лица имеют общий умысел и совершают при этом умышленное преступление. На основе анализа доктринальных источников, законодательства и судебной практики можно сделать вывод о двойственной, эклектической природе нормативной конструкции соучастия.

Преступление, совершенное в соучастии - это единое деяние, имеющее все признаки преступления, указанные в ст. 14 УК РФ, совершенное путем объединения действий или бездействий двух или более человек, которые имеют совместный, умышленный, системный, взаимообусловленный характер.

Можно обозначить следующие признаки соучастия: совместность, наличие двух или более лиц, участвующих в совершении преступления, умышленная форма вины преступления, совершенного в соучастии, причинно-следственная связь между действиями соучастников и результатом.

Значение признаков носит конкретный практический характер - оказание влияние на квалификацию и привлечение к реальной уголовной ответственности, системность и взаимообусловленность в действиях соучастников.

Можно наблюдать постепенное развитие института соучастия, который на данный момент является одним из самых устойчивых, при этом продолжается развиваться, законодатель называет новые виды и формы соучастия, а также УК РФ (Особенная часть) дополняется новыми статьями об ответственности за преступления, совершенные в соучастии. При этом, несмотря на то, что упоминания о тех или иных формах и видах соучастия появились много веков назад, для уголовного права России соучастие в преступлении - один из самых молодых институтов, поскольку его исследование в настоящее время происходит в совокупности всех его элементов, а многие исторические источники содержали лишь упоминания о нем, не раскрывая суть, признаки, правовую природу и иные существенные характеристики.

В качестве критериев разграничения форм соучастия в преступной деятельности в современном российском уголовном законодательстве автором предлагается рассматривать цель создания и действия такой формы, признак структурированности (имеется ли он вообще и как он проявляется) и количественный признак, а в качестве форм соучастия в преступной деятельности автором предлагается указать в ст. 35 УК РФ следующие:

- группу лиц;
- группу лиц по предварительному сговору;
- организованную группу;
- преступное сообщество (преступную организацию);
- террористическое сообщество;
- экстремистское сообщество.

Такое изменение позволит внести понимание двух последних указанных форм именно как форм соучастия, а не одной из форм объединения в

совершении конкретного преступления, что необходимо. Исходя из внесенных в уголовный закон изменений (ст.ст. 184, 291.1 УК РФ см. ст. 204.1 УК РФ) необходима большая ясность, указание соответствующих норм, отражающих ту или иную роль, имеющую сходства с соучастниками, указанными в ст. 33 УК РФ, считаем возможным включение в перечень видов соучастников посредника, который имеет отличительные черты (является связующим звеном между двумя сторонами незаконной сделки), совершает преступление в соучастии (в одиночку посредник совершить преступление не может), а также его вклад в преступную деятельность в целом является существенным. Вопрос ответственности посредника должен быть решен аналогично ответственности иных соучастников, кроме исполнителя, согласно ч. 3 ст. 34 УК РФ.

Обозначая основание и пределы уголовной ответственности соучастников в преступлении, следует заключить, что такие категории базируются на отдельных чертах теории акцессорности и теории самостоятельности, что в совокупности, соединяясь, образует теорию компромисса.

В связи с теоретической и практической возможностью совершения эксцесса не только исполнителем преступления, но и иными соучастниками, предлагается внесение изменений в ст. 36 УК РФ, которую следует озаглавить как «Эксцесс соучастника преступления», внося в ее содержание следующий текст: «Эксцессом соучастника преступления признается совершение им преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников. За эксцесс соучастника другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат».

Такие изменения, подлежащие внесению в Уголовный кодекс РФ, позволят судам применять норму об эксцессе не только к исполнителю, но и к иным соучастникам, что, в свою очередь, обеспечит равный подход ко всем субъектам преступлений и назначение справедливого наказания.

Кроме того, требует корректировки ст. 290 УК РФ, в части указания на субъект преступления - лицо, фактически имеющее возможность принимать соответствующие решения, за которые может быть получена взятка. Это предложение требует обоснования, а также конкретизации (не ясно о каком субъекте идет речь).

Итак, важным аспектом становится совершенствование уголовного законодательства для более эффективного реагирования на преступления, совершенные в соучастии. Актуальной становится разработка новых норм и правил, которые бы отражали все особенности этих преступлений и предоставляли правосудию необходимый инструментарий для расследования и судебного разбирательства. При этом важно учитывать международные стандарты и опыт других стран при формировании новых законодательных актов.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 22.01.2015 г. № 208-АПУ14-2 [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1226598 (дата обращения: 24.09.2023).
2. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 ноября 2013 г. № 33-АПУ13-18сп [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/vsrp/doc/2Pn2HjspTvUn/> (дата обращения: 24.09.2023).
3. Апелляционное постановление № 22-682/2023 от 6 апреля 2023 г. по делу № 4/17-1/2023: СудАкт.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Mxjq2EiC25bu/> (дата обращения : 24.09.2023).
4. Белокуров О.В. Соучастие в преступлениях со специальным субъектом: актуальные проблемы (на примере присвоения и растраты) // Следователь. 2003. № 5(61). С. 2-6.
5. Винокуров В.Н. Квалификация преступлений, совершенных в соучастии специальным субъектом // Современное право. 2015. № 8. С. 109-110.
6. Галиакбаров Р.Р. Формы соучастия. Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. СПб. : Изд. профессора Малинина, 2007. 564 с.
7. Дронова Т.Н. Добровольный отказ от преступления: теория, закон и правоприменение: диссертация ... кандидата юридических наук. Калининград, 2012. 234 с.
8. Елифанова Е.В. Становление и развитие института соучастия в преступлении в России. дис. ... канд. юрид. Наук. Краснодар, 2002. 229 с.
9. Жиряев А.О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850. 539 с.

10. Журавлев М.П., Наумов А.В., Никулин С.И., Понятовская Т.Г., Рарог А.И., Янеленко Б.В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная (учебник; под ред. заслуженного деятеля науки РФ, д.ю.н., проф. А.И. Рарога; издание 10-е, перераб. и доп.). М.: Проспект, 2017. 895 с.

11. Иванов Н.Г. Категории «соучастие» и «группа» в решениях Верховного Суда РФ (вновь о наболевшем) // Уголовное судопроизводство. 2019. № 1. С. 42-44.

12. Клименко Ю.А. Правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 112-121.

13. Козлов А.П. Соучастие. Традиции и реальность. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 359 с.

14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 27.09.2023).

15. Мелешко Д.А. Квалификация соучастия в преступлении // Уголовное право. 2017. № 2. С. 78-85

16. Мондохонов А.Н. Формализация соучастия в преступлении как условие эффективности борьбы с организованной преступностью // Законность. 2019. № 4. С. 42-45.

17. Милуков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб.: СПбИВЭСЭП, Знание, 2000. 279 с.

18. Некоз А.С. Институт соучастия как основа для анализа подстрекательства к преступлению // Современный юрист. 2018. № 3. С. 147-156.

19. Ображиев К.В. Пособничество преступлению: проблемы уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2019. № 3. С. 59-70.

20. Османова Д.О., Попов В.А., Юрьев С.В. Ключевые аспекты применения института соучастия при разрешении споров о привлечении к

субсидиарной ответственности в банкротстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. № 3. С. 32-37.

21. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 18 июля 2011 г. по делу № 1-842/10 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-sankt-peterburgskii-gorodskoi-sud-gorod-sankt-peterburg/?page=8> (дата обращения 27.09.2023).

22. Приговор № 1-111/2020 от 13 июля 2020 г. по делу № 1-111/2020 : СудАкт.ру// <https://sudact.ru/regular/doc/JA4za98j475Q/> (дата обращения 24.10.2023).

23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. 2018

24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. 2005.

25. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. 2011.

26. Петров С.В. Преступное сообщество как форма соучастия: проблемы теории и практики. Н. Новгород, 2013. 166 с.

27. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. М., 2022. 668 с.

28. Пудовочкин Ю.Е. Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного закрепления // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 102-112.

29. Пейсикова Е.В., Гейнце О.В. Посредничество и соучастие // Уголовное право. 2019. № 3. С. 71-80.

30. Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. - М., 2005. 559 с.

31. Расследование преступлений, совершенных организованными формированиями: Научно-практическое пособие / Под общ. ред. В.Н. Карагодина. - М., 2017. 347 с.

32. Ситникова А.И. Законодательно-текстологическое моделирование института соучастия в преступлении // Lex russica. 2016. № 2. С. 81-99.

33. Соболев В.В. Основание и дифференциация ответственности соучастников преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. 206 с.

34. Статистика преступлений, совершенных в соучастии [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения 09.10.2023).

35. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая. Тула: Автограф, 2001. Т. 1. 800 с.

36. Токманцев Д.В. Признаки преступного сообщества // Уголовное право. 2016. № 5. С. 69-77.

37. Уголовное право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. - 5-е изд., перераб. и доп. - М. : Издательство Юрайт, 2020. 410 с.

38. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2023) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 09.10.2023).

39. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 09.10.2023).

40. Черных А.В. Признаки преступных сообществ (преступных организаций) по уголовному законодательству России и Беларуси. Сравнительный анализ // Вестник образовательного консорциума

«Среднерусский университет». - Серия «Гуманитарные науки». 2015. № 5. С. 80-98.

41. Шарапов Р.Д. Соучастие в преступлении: закон, теория, практика // Lex russica. 2016. № 10. С. 19-26.

42. Шатов С.А. К вопросу о классификации видов и форм соучастия в преступлении // Закон и право. 2016. № 10. С. 86-88.

43. Шатов С.А. Соучастие в преступлении. СПб., 2012. 346 с.

44. Шеслер А.В., Шеслер С.С. Совместность совершаемого преступления как признак соучастия // Вестник Сургутского государственного университета. 2018. № 3 (21). С. 59-65.

45. Яни П.С. Проблемы понимания соучастия в судебной практике // Законность. 2013. № 8. С. 24-28.